

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.3>

Безгин Владимир Борисович, Чемоданов Александр Николаевич

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР В СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ В 1940-1945 ГГ.

В статье представлен историографический обзор научных работ, посвященных истории деятельности советских правоохранительных органов в Советской Литве периода 1940-1945 гг. Авторами осуществлен анализ содержания публикаций по данной теме как отечественных, так и зарубежных специалистов. Проведенное исследование дает основание утверждать то, что ряд аспектов истории Литвы 1940-1945 гг., таких как вхождение Литвы в состав Советского Союза в июне 1940 г., ее нацистская оккупация в июне 1941 г., коллаборационизм литовских националистов, остаётся актуальным и требует дальнейшего научного осмысления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 192-196. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа // Советская этнография. 1946. № 4. С. 186-190.
6. Мовчан Г. Я. О типологии жилища народов Нагорного Дагестана // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1948. Вып. IV. С. 41-42.
7. Мовчан Г. Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. 1972. № 5. С. 119-149.
8. Мовчан Г. Я. Старый аварский дом (в горах Дагестана и его судьба). М.: ДМК Пресс, 2001. 528 с.
9. Мусаева М. К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана: панорамный обзор. Махачкала: Народы Дагестана, 2003. 128 с.
10. Соловьева Л. Т. Грузия. Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.
11. Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов. М.: Наука, 1984. Вып. VIII. С. 167-185.
12. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3-16.
13. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. С. 89-101.
14. Хасбулатова З. И., Мусаева М. К. Некоторые традиционные обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2012. № 4. С. 35-42.
15. Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. 304 с.

DAGESTAN PEOPLES' DWELLING AS AN OBJECT OF SPIRITUAL CULTURE

Alimova Bariyat Magomedovna, Doctor in History

Musaeva Maysarat Kamilovna, Ph. D. in History

Gimbatova Madina Bagavutdinovna, Doctor in History

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Centre

of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

alimova1937@list.ru; majsarat@yandex.ru; gimbatova@list.ru

The article aims to investigate Dagestan peoples' dwelling as an object of spiritual culture, to examine the dwelling constructive elements, interior and the features, which go beyond utilitarian pragmatics. The study is based on the historical-comparative method, the participant observation method and the principle of historical-cultural reconstruction. For the first time in Dagestan ethnographical science the dwelling is investigated as an object of spiritual culture. For the mountaineers the house was not only a place to protect them from ugly weather and enemies but a kind of spiritual world, in which an individual's world vision and world perception were formed, the life of many generations was passing by. In the dwelling national traditions were formed, from architectural to social and philosophical ones.

Key words and phrases: Dagestan; material culture; dwelling; fireplace; central pillar; threshold; Dagestan peoples.

УДК 93/94; 316.485.26

Дата поступления рукописи: 12.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.3>

В статье представлен историографический обзор научных работ, посвященных истории деятельности советских правоохранительных органов в Советской Литве периода 1940-1945 гг. Авторами осуществлен анализ содержания публикаций по данной теме как отечественных, так и зарубежных специалистов. Проведенное исследование дает основание утверждать то, что ряд аспектов истории Литвы 1940-1945 гг., таких как вхождение Литвы в состав Советского Союза в июне 1940 г., ее нацистская оккупация в июне 1941 г., коллаборационизм литовских националистов, остаётся актуальным и требует дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова и фразы: Советская Литва; правоохранительные органы СССР; литовское националистическое подполье; современная историография; фальсификация.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет

vladyka62@mail.ru

Чемоданов Александр Николаевич

Московское высшее общевойсковое командное училище

Тамбовский государственный технический университет

anch-77@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР В СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ В 1940-1945 ГГ.

Актуальность историографического анализа истории деятельности советских правоохранительных органов в Литве в 1940-1945 гг. обусловлена попытками искажения литовской истории этого периода, явно выраженным

национализмом в сегодняшней Литве, замалчиванием целого ряда важнейших исторических явлений и фальсификацией событий предвоенного и послевоенного периодов в истории Литвы. В этих условиях изучение историографии истории деятельности советских правоохранительных органов в Литве 1940-1945 гг. приобретает особое значение.

Научная цель публикации состоит в оценке историографии истории деятельности советских правоохранительных органов против спецслужб гитлеровской Германии и литовского националистического подполья в Советской Литве в 1940-1945 гг.

Научная новизна статьи заключается в том, что ее авторами в ходе исследования историографических работ изучены исторические факты непосредственного участия гитлеровских спецслужб в организации подрывной работы литовских националистических формирований в 1941-1945 гг., проанализированы особенности деятельности советских правоохранительных органов против литовского националистического подполья в исследуемый период и их усилия по стабилизации политической обстановки в Литовской ССР, обусловившие переход к строительству мирной жизни в республике.

В статье дан историографический обзор научных публикаций по данной тематике, определены проблемы, требующие дальнейшего ее изучения. Практическая значимость публикационного исследования заключается в возможности использования полученных выводов в аргументированной критике современных попыток фальсификации истории Великой Отечественной войны и победы в ней советского народа.

Историографию научной проблемы авторы статьи условно разделили на три группы.

В *первую группу* вошли работы отечественных историков, опубликованные в период 1940-1991 гг.

Среди работ этого периода можно выделить труды авторских коллективов в составе В. М. Бойченко и П. П. Еремина, И. В. Хамзюка, М. И. Гришунова, А. М. Лабутина, П. П. Еремина и Е. А. Касаткина [16]. В их исследованиях дан подробный анализ предыстории возникновения националистических движений, приведена характеристика различных партий и движений националистического толка, изучена их деятельность в предвоенный период, в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания. Авторы установили формы и способы подрывной деятельности литовских националистов, оценили степень эффективности усилий советских органов безопасности по борьбе с националистическим подпольем в Литве.

Одним из трудов, посвященных борьбе с национализмом в прибалтийских республиках, стала публикация А. Никифорова [8], который дал подробное описание боевых столкновений частей РККА и отрядов НКВД с литовскими националистическими бандами в начальный период Великой Отечественной войны. Проведенное автором исследование позволило сделать обоснованные выводы об организованном воздействии националистических формирований на советскую инфраструктуру, на дислоцированные в республике части Красной Армии и советско-партийный актив с целью оказания помощи наступающим немецко-фашистским войскам.

Научный интерес представляет монография Г. П. Сечкина [15]. В данной работе автором проанализирована история возникновения вооруженных движений, приведена структура формирований националистов, изучены их связи и порядок подчиненности, дана характеристика подрывной деятельности и тактики действий противника. В работе приведены примеры, отражающие деятельность пограничных войск СССР против бандитизма сразу после освобождения советской территории от немецкой оккупации и борьбы с вооруженным националистическим подпольем. В качестве вывода автор отметил, что в 1944-1945 гг. был ликвидирован ряд националистических формирований, а для окончательного их разгрома потребовалось несколько послевоенных лет.

Немаловажное значение для историографического изучения противодействия советских органов безопасности вооруженному националистическому подполью и выявлению в этой борьбе специфики работы органов НКВД-НГБ СССР имеют сборники материалов и документов. Заметную роль при этом играет сборник «На страже границ Советского государства: историко-мемуарный сборник», изданный в 1971 г. [10].

Ценные сведения об условиях борьбы с националистическими формированиями в Прибалтике содержит вышедший в 1979 г. совместный труд ученых трех советских прибалтийских республик «Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня» [11]. В сборнике статей раскрыта история создания прибалтийских буржуазно-националистических антисоветских центров. Однако в работе не освещена проблема форм и методов противодействия этому явлению со стороны советских органов безопасности и войск. В исследовании на основе широкого круга источников убедительно доказана преступная сущность прибалтийских националистических организаций, осуществлявших вооруженную борьбу с советской властью. Не вдаваясь в подробности социально-политического конфликта, имевшего место на территории прибалтийских республик, авторам удалось показать разделение населения на поддерживающих действующую власть и на лиц, ожидающих условий для создания национальных государств, что позволяет отрицать миф о всеобщем противодействии прибалтийского населения «советской оккупации».

Сущность литовского вооруженного националистического подполья и его лидеров тщательно проанализирована в журнале «Пограничник». Например, такие статьи, как «Одним предателем меньше» [1], рассматривают вооруженное националистическое подполье как буржуазное движение и не отмечают в нем роль местного населения. Это характеризуется как крупный просчет, который ориентировал органы безопасности на борьбу с организованным врагом, имевшим поддержку из-за рубежа, в то время как основная помощь исходила от местных жителей. При более пристальном внимании к процессам, происходившим в крестьянской среде, органы советской власти не допускали бы ошибок, и борьба с националистическим подпольем завершилась бы с меньшими потерями и за более короткий срок.

Таким образом, научно-исторические труды этого периода создали существенный задел в изучении данной проблемы и представляют собой большой массив исследований отечественных историков.

Во *вторую группу* вошли работы зарубежных историков, опубликованные в период 1940-1991 гг.

История Латвии, Литвы и Эстонии изучаемого периода освещена в работах З. Бжезинского, А. Смита, Р. Левенталя, Б. Майснера, А. Мартини и Х. Момзена [18]. По нашему мнению, этим публикациям присуща тенденциозность в оценке событий военного и послевоенных периодов, для них характерен односторонний подход в трактовке как деятельности националистического подполья на территории Прибалтики, так и мероприятий правоохранительных органов СССР по борьбе с этим явлением.

Определенный вклад в изучение историографии истории Литвы 1940-1945 гг. внесли работы Р. Мизинаса, А. Нордена, В. Баслера, Т. Розенфельда и Ф. Гентцена, а также работы польских историков П. Пассовского, А. Скушпека, С. Микулича, С. Левицкого, Г. Виснера, Р. Таапелга [19].

В этот период бывшие члены литовских националистических организаций, издавая свою литературу в странах Запада, освещали исторические события на субъективной основе, изображая националистов как борцов за национальную независимость, при этом многие представители руководства националистического движения в Литве сотрудничали с немецкими спецслужбами и разведывательными структурами других государств, что шло вразрез с идеей о национальной самостоятельности и борьбе за национальную независимость. И только с открытием части архивов для широкого доступа появилась объективная возможность достоверного исследования борьбы с вооруженным националистическим подпольем [10].

В *третью группу* вошли работы отечественных и зарубежных историков, опубликованные в период с 1991 г. по настоящее время.

Общей чертой для современных публикаций является крайне тенденциозная оценка роли СССР в судьбе прибалтийских стран в 1940-1945 гг. В западной историографии сформировалось устойчивое мнение о том, что причинами образования многочисленных отрядов вооруженного националистического подполья стала «карательная политика» Советского Союза после присоединения новых территорий в 1939 г., 1940 г. и после 1944 г. и сопутствовавшие ей массовые депортации населения в удаленные районы СССР. Так, по мнению латвийского историка Х. Стродса, «патриотический идеализм» был главным мотивом для ведения антисоветской борьбы [21].

Еще один историк Дж. Бурдс в своей книге уделил пристальное внимание борьбе органов безопасности с националистическим бандитизмом, которая, по его суждению, не всегда велась в соответствии с советскими законами [2]. В то же время, ссылаясь на архивные документы, автор тем самым фактически признал то, что советские государственные органы не только видели нарушения в деятельности спецслужб, но и принимали меры по их устранению.

По мнению авторов статьи, в настоящее время в политических кругах Литвы создается своя интерпретация исторических событий, лишенная объективности, в конечном итоге ведущая к фальсификации роли и участия правоохранительных органов НКВД-НКГБ СССР в ходе войны, где бывшие гитлеровские преступники становятся героями литовского народа и борцами против советского империализма. Большинство исторических работ литовских, да и ряда российских публицистов этого периода носит откровенно дезинформационный характер, где оправдываются преступления литовских фашистов в годы войны, что не позволяет проникнуть в суть исторических событий того времени.

Историография послевоенной истории прибалтийских государств, вошедших в состав СССР, представлена работами А. Анушаускаса [17]. Их достоинством явилось привлечение большого объема новых источников как из российских, так и зарубежных архивов. Однако анализ и интерпретация этих источников проводятся в угоду политическим тенденциям, имеющим место в настоящее время в странах Балтии.

На взгляд авторов статьи, в последнее время усилилась тенденция к обелению националистических формирований, действовавших в прибалтийских республиках, провозглашению их борцами за свободу и независимость, отнесению всех преступлений на счет органов государственной безопасности. Все это – свидетельство целенаправленной фальсификации истории в целях дискредитации советского государства и проводимой им политики. По нашему мнению, в научных работах, связанных с вооруженным националистическим подпольем в Литве, спектр понятийного аппарата менялся от «отрядов террористов и бандитов» до «партизан и повстанцев, сражавшихся за свободу своего народа».

Большая работа по изучению истории возникновения прибалтийского национализма и борьбы с ним органов государственной безопасности в 1940-1941 гг. была проделана в 2013 г. М. Ю. Литвиновым. В своей монографии [5], помимо истории зарождения националистических партий, движений и становления отечественных органов безопасности, он раскрыл общую социально-политическую обстановку того времени. Автором было высказано мнение о том, что в довоенный период органы безопасности недооценили опасность националистов в Прибалтике, начав активное противодействие им лишь только в первые месяцы 1941 г.

Пробел в исследовании взаимоотношений СССР и стран Прибалтики восполнило исследование М. Мельтюхова, в котором он подробно рассмотрел период, связанный с вхождением в состав СССР прибалтийских государств [6]. Стоит согласиться с утверждением автора о том, что в советской историографии второй половины XX в. эти события изучались с учетом политической конъюнктуры, и все наиболее сложные темы упоминались вскользь, а то и просто замалчивались.

Политические события 1990-1991 гг. в СССР и последовавший его распад придали недостаточно изученным темам националистического подполья в Литве чисто политическое значение, что сделало их скорее элементом политической борьбы, нежели объектом научного исследования. Затем в постсоветской историографии начал доминировать резко критический подход к описанию отдельных сюжетов этой темы.

В последние годы в связи с восхвалением деятельности участников вооруженного националистического подполья в Прибалтике отечественными архивами было рассекречено большое количество документов, посвященных деятельности националистов и борьбе с ними советских органов безопасности. В связи с этим появилось большое количество сборников материалов, составленных как в России, так и за рубежом [3; 4; 9; 12-14].

В 2018 г. немецким журналистом Й. Заксленером в газете "Die Welt" опубликована статья о зверствах гитлеровских нацистов в Вильнюсском гетто в 1941-1943 гг., где одну из ведущих ролей играл некто Ф. Мурер, австриец по происхождению, ответственный в гебитскомиссариате «Вильно» за «решение еврейского вопроса», на совести которого были тысячи невинных жертв [20]. Автор статьи на документальной основе подробно описал преступления гитлеровских нацистов в годы немецкой оккупации Литвы.

Таким образом, в качестве выводов следует отметить то, что в нынешней Литве господствующей является националистическая трактовка событий советского прошлого. Такой подход, по сути далекий от исторической науки, выражается в тотальном пересмотре научных оценок деятельности националистических вооруженных формирований на территории Советской Литвы и характера борьбы правоохранительных органов СССР с этим явлением. В результате тенденциозного освещения событий и в угоду политической конъюнктуре создается историческая мифология. Она основывается на непрофессиональных суждениях, а порой и на откровенной фальсификации и потому ничего общего с научной истиной не имеет. Данная историографическая ситуация обуславливает необходимость дальнейшего изучения этой научной проблемы посредством обращения исследователей к ранее не использованным источникам и, прежде всего, к материалам ведомственных архивов Российской Федерации.

Список источников

1. **Беляев В.** Одним предателем меньше // Пограничник. 1959. № 22. С. 72-77.
2. **Бурдс Дж.** Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948). М. – Нью-Йорк: Современная История, 2006. 296 с.
3. **Германия и Прибалтика:** межведомственный сборник научных трудов. Рига, 1990. 121 с.
4. **Лаар М.** Забытая война. Движение вооруженного сопротивления в Эстонии в 1944-1956 гг. Таллинн: Гренадер, 2005. 48 с.
5. **Литвинов М. Ю.** Борьба органов госбезопасности с разведывательно-подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб и националистических формирований в 1918-1941 гг.: монография. М.: Академия ФСБ России, 2013. 287 с.
6. **Мельтюхов М. И.** Прибалтийский плацдарм (1939-1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М.: Алгоритм, 2014. 720 с.
7. **На страже границ Советского государства:** историко-мемуарный сборник / сост. К. Регуш, Н. Афанасьев. М.: ГУПВ КГБ при СМ СССР, 1971. Кн. 3. 406 с.
8. **Никифоров А.** Ликвидация банды «Бир», перешедшей в СССР на участке 12-й пограничной заставы 5 ПО Украинского округа 29.6.1947 г. М.: Краснознаменный Ордена Ленина военный институт МГБ СССР, 1952. 54 с.
9. **НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956):** сб. документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 639 с.
10. **О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека** [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. № 658. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. **Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Литовская, латышская и эстонская антисоветская эмиграция на службе империализма:** сборник статей. Рига: Зинатне, 1979. 236 с.
12. **Прибалтика и Кремль. 1940-1953** / сост. Е. Ю. Зубкова. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
13. **Прибалтика. Под знаком свастики (1941-1945):** сб. документов / сост. В. К. Былинин, М. Ю. Крысин, Г. Э. Кучков, В. П. Ямпольский. М.: Объединенная редакция МВД России; Ассоциация «Военная книга» – «Кучково поле», 2009. 464 с.
14. **Семиряга М. И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
15. **Сечкин Г. П.** Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и возможные их действия в современных операциях: монография. М.: Воениздат, 1976. 573 с.
16. **Хамзюк И. В., Гришунов М. И., Лабутин А. М. и др.** Литовские, латышские и эстонские буржуазные националисты. М.: ВШ КГБ при Совете Министров СССР, 1961. 214 с.
17. **Anusauskas A.** Lietuvių tautos sovietinis naikimas, 1940-1958. Vilnius: Alma littera, 1996. 150 p.
18. **Brzeziński Z., Smith A., Leventhal R. and others.** The Soviet Bloc: Unity and Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 470 p.
19. **Misiunas R. J., Taagapera R.** The Baltic States. Years of Dependence. 1940-1991. Los Angeles, 1993. 432 p.
20. **Sachslehner J.** Skandal um NS-Täter Franz Murer. Wie der „Schlächter von Wilna“ davonkam // Die Welt. 2018. 12. März.
21. **Strods H.** Latvijas nacionālo partizānu kars 1944-1956. Rīga: A/s Preses nams, 1996. 576 l.

HISTORIOGRAPHY OF SOVIET LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN SOVIET LITHUANIA IN 1940-1945

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
vladyka62@mail.ru

Chemodanov Aleksandr Nikolaevich
Moscow Higher Combined Arms Military Command School
Tambov State Technical University
anch-77@mail.ru

The article presents a historiographical survey of the scientific papers devoted to the history of Soviet law-enforcement activity in Soviet Lithuania in 1940-1945. The authors analyse domestic and foreign publications on this issue. The findings lead to the conclusion that certain aspects of the Lithuanian history of the Second World War period, such as Lithuania's entry into the Soviet Union in June, 1940, its Nazi occupation in June, 1941, the Lithuanian nationalists' collaboration, are still relevant and require further research.

Key words and phrases: Soviet Lithuania; Soviet law-enforcement bodies; Lithuanian nationalistic underground organizations; modern historiography; falsification.

УДК 93/94; 392.51

Дата поступления рукописи: 16.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.4>

Статья посвящена статистической типологии южнорусской свадебной обрядности. В качестве выборки были использованы описания 27 ритуалов, общий список признаков которых составил 141 номер. По формуле, определяющей показатели сходства, было установлено, что различия между ритуалами колеблются от 388 до 1 единицы. Граф наиболее сильных связей в пределах 388-266 единиц охватил 14 ритуалов, показав преимущественное их размещение на карте по линии «север – юг». Вероятно, эта особенность объяснима спецификой этнокультурной истории региона – приходом сюда русского населения с севера, из-за Заочья.

Ключевые слова и фразы: южнорусская группа; свадебная обрядность; типология; статистические методы; типы свадебной обрядности; историческая интерпретация.

Бузин Владимир Серафимович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
vsbuzin@mail.ru

ЭТНОГРАФИЯ И МАТЕМАТИКА: ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЮЖНОРУССКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Постановка проблемы

Выделение типологической специфики явлений традиционной культуры, обычно с последующим прослеживанием локальной распространенности выделенных типов, – нередкая тематика этнографических исследований. Это может касаться отдельных аспектов культуры (хозяйственной деятельности, материальных объектов, духовных проявлений и т.п.) или иметь комплексный характер, как, например, выделение этнографических групп русского народа – северно-, средне-, южнорусской и др. Однако насколько удовлетворительна применяемая в отечественной этнографии методика этих исследований и можно ли доверять полученным в ходе их результатам, поскольку возможность их проверки обычно отсутствует? Автор берет на себя смелость заявить, что значительная часть работ в этой области оставляет желать много лучшего.

Это относится и к исследованиям традиционной русской свадьбы. В качестве примера в этом отношении весьма показательна монография, посвященная «нижегородскому» свадебному обряду, для которого автором (авторами?) было выделено «три главных региональных типа традиционного свадебного ритуала: юго-нижегородский, поволжский (поволжско-нижегородский) и ветлужский» [17, с. 14]. Естественен вопрос: на основании каких признаков? Если ответом на него служит пассаж: «...детали, которые более устойчиво и последовательно распространены по Нижегородскому краю» [Там же], – то он весьма невнятен. Ведь, чтобы знать «более» или «менее», надо определить норму. Какова она? И что значит «устойчиво» и «последовательно»?

Характеристика каждого из локальных вариантов с указанием этих «деталей» тоже маловразумительна. Четкий список обрядовых (есть еще фольклорные) признаков, на основе которых произведена данная типология, отсутствует, фигурирующие явно всех имевшихся не охватывают. Для каждого из вариантов их приведено немногим более десятка, причем в тексте указывается, что некоторые характерны не только для данного, но и для других вариантов. Например, отмечено, что в ветлужском региональном типе «проявляются черты, знакомые по свадьбе поволжского и юго-нижегородского регионов», в поволжско-нижегородском (который «не имеет единой типологической основы», а тогда – почему выделен?) «выявлено несколько деталей... приглушенных (? – В. Б.) в двух других региональных типах» [Там же, с. 18, 20]. Наконец, отсутствие карты с указанием точечной локализации каждой «детали» окончательно делает приведенные выводы лишеными доказательств.